На следующее утро солнечный свет проникал в гостиную через панорамные окна, ложился на блестящий пол и высвечивал в воздухе мельчайшие пылинки.

Су Няньань с самого утра убирал гостиную и до сих пор не остановился ни на минуту.

Он протёр резной стол из массива дерева, потом тяжёлой шваброй вымыл пол, разложил по местам разбросанные вещи и привёл гостиную в идеальный порядок, не оставив ни пылинки.

Он не смел лениться и не позволял себе остановиться. С утра до самого полудня даже глотка воды не выпил.

Пот стекал со лба по щекам, промочил ворот и холодно лип к спине. Су Няньань лишь машинально вытирал лицо рукавом и снова принимался за работу. Его худенькая фигура без конца мелькала по гостиной, словно волчок, который не может остановиться.

Тётушка Чжан давно его невзлюбила. Пользуясь тем, что Лу Чжиянь обычно не обращал на Су Няньаня внимания, она постоянно придумывала, как его унизить и заставить страдать. За супруга главы семьи Лу она его никогда не считала, не оказывала даже элементарного уважения и обращалась как со слугой, которого можно безнаказанно оскорблять.

Когда старый дворецкий отлучился по делам, тётушка Чжан привела в гостиную двух молодых служанок. Увидев согнувшегося над шваброй Су Няньаня, она криво усмехнулась, упёрла руки в бока и нарочно встала перед ним, преградив дорогу. Каблуки резко стучали по полу.

— Хм! Жалкий незаконнорождённый омега ещё смеет занимать место супруга главы семьи Лу. Неужели и правда возомнил себя хозяином?

Её голос был резким и ядовитым, как игла. Каждое слово впивалось Су Няньаню в уши и било по самому болезненному месту его униженного сердца.

Су Няньань на мгновение замер. Пальцы так сильно сжали рукоять швабры, что костяшки побелели, а дерево под ладонью будто нагрелось.

Он не поднял головы и ничего не ответил, лишь молча отступил в сторону, собираясь продолжить мыть пол. Ему не хотелось ссориться с тётушкой Чжан — хотелось только спокойно закончить свою работу.

Но в её глазах его уступчивость стала доказательством слабости и беззащитности, и тётушка Чжан распоясалась ещё сильнее.

— Что такое? Заговорить не смеешь? Я разве неправду сказала? Ты и есть жалкий омега, никому не нужный выброшенный сын. Семья Су сплавила тебя сюда, чтобы ты прислуживал нашей семье Лу, а ты ещё вздумал о себе что-то воображать?

— Низкорождённый омега с самого рождения годится только прислуживать. Ещё мечтаешь прицепиться к господину? Совсем обнаглел. Сначала бы посмотрел, достоин ли вообще!

Служанки рядом подхватили её слова. Одно за другим ядовитые оскорбления вонзались в сердце Су Няньаня, словно ножи, снова и снова разрезая и без того хрупкое чувство собственного достоинства.

«Жалкий омега».

Эти слова впились в сердце, как отравленная колючка. Они задели вросшую в кости неуверенность, ту рану, к которой он сам боялся прикасаться.

Он был незаконнорождённым сыном, «неполноценным» омегой, выброшенным семьёй Су. Всё это — боль, которую он прятал глубоко внутри, ярлыки, от которых, казалось, не избавиться до конца жизни.

Су Няньань опустил голову ещё ниже. Глаза мгновенно покраснели, слёзы затуманили взгляд, и даже пол перед ним расплылся.

Плечи едва заметно дрожали. Обида нахлынула, как прилив, сдавила грудь и не давала дышать. Горло стянуло, каждый вдох причинял боль.

Но он не смел плакать, не смел поднять голову и тем более не смел возражать.

Он знал, что не имеет права сопротивляться. В семье Лу он всего лишь вещь для вида, которую каждый может унизить. Он знал: даже если возразит, никто не вступится, а в ответ он получит ещё больше ругани и придирок, ещё больше унижения.

Оставалось только крепко закусить губу и проглотить всю обиду. Губы побелели, на них выступила кровь, во рту появился металлический привкус, но Су Няньань даже не заметил. Он молча терпел и медленно продолжал мыть пол, по-прежнему сжимая швабру.

Движения стали скованными и медленными, однако он всё ещё изо всех сил сохранял спокойствие, не позволяя слезам пролиться и не желая показывать другим свою слабость.

Увидев, что он не отвечает и лишь молча терпит, тётушка Чжан заскучала. Однако раздражение всё ещё не прошло: она сплюнула, свирепо посмотрела на него и только потом увела служанок. В гостиной остался резкий, издевательский смех, от которого звенело в ушах.

В гостиной снова стало тихо. Остались только Су Няньань и едва слышное шуршание швабры по полу. Пустота вокруг давила.

Он остановился. Плечи слегка дрожали, глаза горели от слёз. Наконец одна слезинка сорвалась и тихо скатилась по щеке, упала на блестящий пол, оставив маленькое влажное пятнышко, которое почти сразу исчезло.

Су Няньань поспешно вытер лицо холодными пальцами, глубоко втянул носом воздух и заставил себя успокоиться. Подавив обиду и горечь, он снова опустил голову и продолжил мыть пол.

Он двигался механически, словно онемев. Не смел всхлипнуть вслух, не смел позволить кому-то увидеть свои слёзы, не смел даже пожаловаться. Всю обиду, весь стыд и всю боль он мог только молча принять и спрятать — под опущенными ресницами, в углу, куда никто не смотрит.

Он привык терпеть, привык всё сносить и проглатывать любые чувства. В этой холодной вилле ему не на кого было опереться и неоткуда ждать тепла. Оставалось только самому обнять себя покрепче и пережить очередную обиду.

http://bllate.org/book/20587/2058870